

1

Меня зовут Мэри-Кэтрин Блэквуд. Мне восемнадцать, и я живу с сестрой по имени Констанс. Я часто думала — будь удача хоть немного на моей стороне, я могла бы родиться оборотнем, ведь мои средние пальцы на руках одинаковой длины. Но приходится довольствоваться тем, что есть. Я не люблю мыться; и собак, и шум. Люблю свою сестру Констанс, Ричарда Пантагенета и бледную поганку, смертельно ядовитую *Amanita phalloides*. Всех прочих членов моей семьи давно нет в живых.

В последний раз, когда я бегло просматривала библиотечные книги на кухонной полке, срок их сдачи вышел пять с лишним месяцев назад. Интересно, какие книги бы я выбрала, зная, что это в последний раз, что именно этим книгам суждено остаться на нашей кухонной полке навсегда. Мы редко переставляли предметы; семейство Блэквуд никогда не отличалось склонностью к переменам. Нам вполне хватало мелких и малозначащих объектов вроде книг, цветов и ложек, куда важнее было

ощущение незыблемости того, что было собственностью Блэквудов. Мы всегда возвращали предметы на их законное место. Мы подметали пол под столами, стульями, кроватями, стирали пыль с картин и ламп, выбивали ковры; но оставляли вещи там, где они были. Так, черепаховая шкатулка на туалетном столике моей матери никогда не сдвигалась больше, чем на долю дюйма. Блэквуды всегда жили в этом доме, неизменно соблюдая заведенный порядок вещей. Когда очередной Блэквуд приводил в дом жену, ее вещам отводилось строго определенное место, и таким образом дом полнился и обростал новым имуществом, мало-помалу превращаясь в твердыню, способную противостоять целому миру.

Эти книги я принесла домой в последнюю пятницу апреля. Пятницы и вторники были тяжелыми днями, потому что мне приходилось выходить в деревню. Должен же был кто-то ходить в библиотеку и в продуктовый магазин. Констанс никогда не покидала пределов сада, а о дяде Джулиане не могло идти и речи. Следовательно, отнюдь не гордыня дважды в неделю влекла меня в деревню, а простая потребность в книгах и пище. Зато, возможно, именно гордыня понуждала меня заходить выпить кофе у Стеллы, прежде чем вернуться домой. Я говорила себе, что нужно сохранять достоинство, и заходила в кафе, хотя мне ужасно хотелось

бежать домой. С другой стороны, я ведь знала, что Стелла увидит меня, проходящую мимо, и, наверное, решит, будто я не зашла, потому что струсила. А вот этого я решительно не могла допустить.

— Доброе утро, Мэри-Кэтрин, — всегда говорила Стелла, протирая стойку мокрой тряпкой. — Как дела?

— Спасибо, очень хорошо.

— А Констанс, как она?

— Спасибо, очень хорошо.

— А он-то как?

— Лучше не бывает. Черный кофе, прошу вас.

Если в кафе входил кто-нибудь еще и присаживался за стойку, я с напускной неторопливостью бросала свой кофе и уходила, кивнув на прощание Стелле.

— Всего хорошего, — машинально бросала она вслед, когда за мной закрывалась дверь.

Книги я выбирала очень тщательно. Разумеется, у нас дома тоже были книги; в кабинете отца книжные полки занимали целых две стены. Однако я любила сказки и книги по истории, а Констанс нравились книги о еде. Дядя Джулиан ни разу не брал книг в руки, но он любил смотреть, как читает Констанс. Вечерами, перебирая свои бумаги, он, бывало, то и дело поворачивал голову, чтобы взглянуть на Констанс, и удовлетворенно кивал.

— Что ты читаешь, дорогая? Отраднейшее из зрелищ: женщина с книгой!

— Моя книга называется «Искусство кулинарии», дядя Джулиан.

— Восхитительно.

Разумеется, в присутствии дяди Джулиана нам никогда не удавалось толком посидеть в тишине, но я не помню, чтобы мы с Констанс хоть раз открыли библиотечную книгу из тех, что стояли сейчас на нашей кухонной полке. Я отправилась в библиотеку в одно прекрасное апрельское утро. Сияло солнце, и все кругом обманчиво сулило скорую весну, столь неуместную в этой убогой деревне. Помню, как я стояла на крыльце библиотеки и прижимала к груди книги, улучив минуту, чтобы полюбоваться нежной зеленью ветвей на фоне неба. «Вот бы, однако, вернуться домой, шагая прямо по небу, а не по деревенской улице!» — в который раз думала я. Сойдя с библиотечного крыльца, я могла бы сразу перейти улицу и по той стороне дойти до продуктовой лавки, но это означало, что мне придется идти мимо универсального магазина и сидящих перед магазином мужчин. В нашей деревне мужчины всегда оставались молодыми и предавались сплетням, зато женщины быстро превращались в седых усталых старух, которым только и оставалось, что стоять в молчании и дожидаться, когда их мужчины поднимутся и пойдут домой. Я могла бы выйти

из библиотеки и пойти по этой стороне улицы, пока не окажусь напротив продуктового, и уж тогда перейти; этот путь был куда лучше, однако он вел мимо почты и дома Рочестеров, а возле него высились горы ржавых жестянок, разбитых машин, пустых газовых баллонов, старых матрацев, унитазов и ванн, которые натащило домой и, как я сильно подозреваю, обожало семейство Харлер.

Дом Рочестеров был самым красивым зданием в деревне и некогда мог похвастать библиотечной комнатой, отделанной панелями каштанового дерева, бальным залом на третьем этаже и буйными кустами роз вдоль веранды; там родилась наша мать, и теперь дом по праву должен был бы принадлежать Констанс. Как всегда, я решила, что будет безопаснее пройти мимо почты и дома Рочестеров, пусть даже мне не хотелось видеть дом, где родилась наша мать. Эта сторона улицы по утрам обычно бывала безлюдной, поскольку находилась в тени. После продуктового магазина мне, чтобы попасть домой, в любом случае придется идти мимо универсального магазина. А проходить мимо него два раза — было для меня слишком тяжелым испытанием.

Сразу за пределами деревни, на Хилл-роуд, на Ривер-роуд и Олд-Маунтин, люди вроде Кларков или Каррингтонов выстроили себе новые красивые дома. Чтобы добраться до Хилл-роуд

и Ривер-роуд, им приходилось проезжать деревню насквозь по главной улице, являющейся также главным шоссе штата. Однако дети Кларков и мальчики Каррингтонов ходили в частные школы; еда прибывала на кухни Хилл-роуд из других деревень и из города; корреспонденция доставлялась с деревенской почты на машине — по Ривер-роуд и вверх по Олд-Маунтин, хотя те, кто жил на Олд-Маунтин, отправляли свои письма в других деревнях, а жители Ривер-роуд и вовсе ездили стричься в город.

Но вот что меня всегда озадачивало. Люди, живущие в своих грязных убогих домишках вдоль главного шоссе или на окраине, на Крик-роуд, всегда улыбались, кивали и приветливо махали руками, когда мимо проезжал кто-нибудь из Кларков или Каррингтонов. Если Хелен Кларк заходила в продуктовую лавку Элберта — к примеру, чтобы купить банку томатного соуса или фунт кофе, по рассеянности забытые кухаркой, — все вокруг желали ей доброго утра и сообщали, что «сегодня погода заметно улучшилась». Дом Кларков был новее, чем дом Блэквудов, но уж никак не красивее. Наш отец привез в дом пианино — первое пианино, которое видели в городке. Каррингтоны владеют бумажной фабрикой, зато Блэквудам принадлежит вся земля между шоссе и рекой. Шепарды с Олд-Маунтин подарили нашей деревне ратушу с белыми стенами, остроконечной крышей, зе-

ленной лужайкой и пушкой, установленной прямо у входа. Ходили было разговоры о том, что надо бы разделить деревню на районы, снести лачуги на Крик-роуд да отстроить заново — под стать красивой ратуше, — но в итоге никто не пошевелил и пальцем; может быть, они думали, что Блэквуды вдруг начнут ходить на собрания. В ратуше жители деревни получали лицензии на охоту и рыбалку, и раз в год Кларки, Каррингтоны и Шепарды посещали собрания, торжественно голосуя за то, чтобы снести с главной улицы свалку, которую натащили Харлеры, да убрать скамьи от универсального магазина. И каждый год прочие жители радостно хоронили это разумное начинание большинством голосов. От ратуши уходила налево Блэквуд-роуд — моя дорога домой. Она огибала большим кольцом землю Блэквудов, каждый дюйм которой был огорожен сетчатым забором, воздвигнутым еще моим отцом. Большой черный камень неподалеку от ратуши отмечал начало тропинки, и здесь я отпирала калитку, запирала ее за собой и шла через лес. Вот я и дома.

Жители деревни всегда нас ненавидели.

Я играла, отправляясь за покупками. Я представляла себе детские игры, где доска делилась на маленькие квадратики, и каждый игрок делал ход в соответствии с числом, выпавшем на игральном кубике. Игрока всегда подстерегали

опасности вроде «пропустить один ход», или «отступить на четыре квадрата», или «вернуться в начало», а еще маленькие радости, например, «передвинуться вперед на три квадрата» или «бросить кубик еще раз». Библиотека была точкой старта, а черный камень желанной целью, до которой надо было добраться. Я должна была спуститься по одной стороне Мейн-стрит, пересечь ее и подняться по другой ее стороне, пока не поравняюсь с черным камнем, и это означало, что я выиграла. Сегодня я начала хорошо, с большим запасом энергии, по безлюдной стороне Мейн-стрит; возможно, день окажется хорошим — весенним утром случалось и везение, жаль, что нечасто. Если сегодня удача будет мне сопутствовать, позже я совершу маленькое жертвоприношение в виде какой-нибудь драгоценности — просто из благодарности.

Сделав глубокий вдох для храбрости, я отправилась в дорогу, не глядя по сторонам. Мне нужно было нести продуктовую сумку и библиотечные книги; я следила, как ступаю по земле, переставляя одну за другой ноги, обутые в старые коричневые туфли моей матери. Я чувствовала, что за мной наблюдает кто-то, сидя у окна почты — мы не получали почту, у нас не было телефона; шесть лет назад мы поняли, что ненавидим и то и другое; однако вынести этот мимолетный взгляд из окна мне было вполне по силам. За мной следила старая мисс Даттон,

которая никогда не тарасилась в открытую, как другие, а только подсматривала сквозь жалюзи или из-за края шторы. Я ни разу не поглядела на дом Рочестеров. Было невыносимо думать, что там родилась моя мать. Иногда я гадала, знает ли семейство Харлер, что живет в доме, который должен был принадлежать Констанс. Они не слышали, как я иду мимо, потому что в их дворе стоял вечный грохот сокрушаемого молотком старого металла. Возможно, Харлеры думали, будто нескончаемый шум отгонит демонов. Или, может быть, у них был такой особый музыкальный слух, что они находили приятным металлический лязг. Возможно, внутри дома Харлеров была та же свалка рухляди, что и снаружи, и Харлеры жили, сидя в старых ваннах, и ели свой обед с щербатых тарелок, которые вместо стола ставили на остов древнего «Форда», гремя жестянками и перекликаясь утробными голосами. Перед обиталищем Харлеров тротуар всегда пересекала полоса грязи.

Далее следовало пересечь улицу («пропусти один ход»), чтобы очутиться прямо перед продуктовым магазином. На обочине дороги я всегда застывала в нерешительности, чувствуя себя беззащитной и выставленной напоказ, пока мимо летели машины. Почти весь транспорт, что двигался по Мейн-стрит, все эти грузовики и легковушки проезжали нашу деревню по шоссе насквозь, и водителям вряд ли приходило

в голову смотреть на меня. Зато я легко распознавала местные машины — по быстрому, злобному взгляду из-за руля — и всегда гадала, что случилось бы, сойди я с обочины на проезжую часть. Может быть, мгновенный, почти неосознанный рывок машины в мою сторону? Просто для того, чтобы как следует напугать. Или увидеть, как я в ужасе отскакиваю? А затем смех, смех со всех сторон. Из-за шторы на почте, со стороны мужчин перед универмагом и женщин, выглядывающих из дверей продуктовой лавки. Вот злорадствовали бы они все, наблюдая, как Мэри-Кэтрин Блэквуд спасается из-под колес машины! Иногда я, чтобы перейти на ту сторону, проходила лишние пару или даже тройку поворотов только потому, что ловила момент, когда на дороге в обоих направлениях не будет машин.

На середине улицы я вышла из тени и очутилась на ярком слепящем апрельском солнце. К июлю асфальт от жары делается мягким и мои ноги станут вязнуть в нем, отчего путь через дорогу станет еще опаснее («Мэри-Кэтрин Блэквуд попала под машину, пытаюсь вытащить увязшую в асфальте ногу» — что означало бы «вернуться на старт»), а дома начнут казаться еще безобразнее. Все в городке было выдержано в едином духе, и стиль блюли очень строго; люди будто нуждались в уродстве и питались им. Казалось, что дома и магазины были понатыканы в пренебре-

жительной спешке, лишь бы дать кров убогим; а особняки Рочестеров или Блэквудов — и даже здание ратуши — были перенесены сюда по чистому недоразумению из какой-то далекой и прекрасной страны, где люди жили в согласии с красотой. А может быть, эти красивые дома были взяты в плен — в наказание Рочестерам или Блэквудам с их черными сердцами? — и гнили в городке, точно в тюрьме. Наверное, медленно пожирающая эти дома плесень была печатью безобразия своих обитателей. Магазины, выстроившиеся вдоль Мейн-стрит, были выкрашены в неизменный серый цвет. Их владельцы жили тут же, над магазинами, в строгом ряду квартир на вторых этажах, которые глядели на улицу столь же строгим рядом окон; бесцветные занавески придавали им безжизненный вид. Попадая в наш городок, любая яркая вещь быстро теряла свою душу. Этому упадку городок был обязан отнюдь не Блэквудам; просто такова была природа здешних жителей, и наша деревня оказалась для них просто идеальным местом.

Идя вдоль ряда магазинов, я всегда думала о плесени. О черной, как горелое дерево, плесени, которая мучительно пожирала дома изнутри, заставляя корчиться в муках. И мне не было жаль нашей деревни; так ей и надо.

Для продуктового магазина у меня был припасен список покупок. Его составляла Констанс, каждый вторник и четверг, перед тем, как

я выходила из дому. Людей очень раздражал тот факт, что у нас всегда было полно денег, чтобы покупать все, что нам хотелось. Разумеется, мы давно забрали свои деньги из банка, и я знала, что они распускают слухи, будто деньги эти спрятаны в нашем доме. Как будто бы золотые монеты были свалены кучами на полу, а я, Констанс и дядя Джулиан сидим за крепко закрытыми дверями все вечера напролет, забыв про библиотечные книги, и играемся с золотом, хватая монеты целыми пригоршнями, пропуская их между пальцами, пересчитывая и выстраивая столбиками, чтобы тут же рассыпать, глумясь и отпуская неприличные шутки. Думаю, в городке было немало завистливых душонок, алчущих наших золотых, да только они были трусами, и Блэквуды внушали им страх. Когда я доставала из сумки список покупок, я также доставала и кошелек, чтобы Элберт, бакалейщик, знал — деньги я принесла, поэтому он не мог отказаться меня обслуживать.

Не важно, сколько народу собиралось в продуктовой лавке — меня-то всегда обслуживали немедленно. Мистер Элберт или его бесцветная жадная супруга поспешно выбирались из того угла, где они прятались в своем магазине, чтобы продать мне все, что я хотела. Иногда, во время школьных каникул, если им помогал старший сын, они бежали на подмогу мальчишке — чтобы обслужить меня поскорее. А однажды какая-

то маленькая девочка, явно чужая в городе, подошла ко мне слишком близко, и миссис Элберт оттолкнула ее так грубо, что девчонка вскрикнула, после чего последовала минута гробовой тишины; все, кто был в лавке, выжидали, пока миссис Элберт не наберет в грудь побольше воздуха и не задаст коронный вопрос — «что-нибудь еще?». Я всегда стояла неподвижно и прямо, как струна, когда ко мне приближались дети, потому что боялась их. Боялась, что они могут до меня дотронуться, и тогда их мамы ринутся на меня, точно стая когтистых коршунов. Вот картина, которая всегда была в моем мозгу — птицы, клином бросающиеся с неба, атакующие, терзающие мою плоть острыми, как бритва, когтями. Сегодня мне нужно было купить для Констанс целую кучу всего, и я обрадовалась, когда увидела, что в магазине нет детей, да и женщин немного. Еще одна удача, подумала я, и сказала мистеру Элберту:

— Доброе утро.

Он кивнул в ответ; не мог же он совсем не поздороваться со мной, и все-таки женщины в магазине уставились во все глаза. Я повернулась к ним спиной; но чувствовала, что они застыли там, сзади, кто с консервной банкой, кто с полупустым пакетиком печенья или головкой салата в руках. Ждали, пока я не уйду, не растворюсь за дверью магазина, чтобы вновь заговорить да заняться, наконец, своими делами.